А. В. Степанов

**ФЕНОМЕН «СТРАДАНИЯ» В БУДДИЗМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ:
ДХАММАПАДА И ЕККЛЕСИАСТ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье рассматривается доктринальное положение буддизма – первая благородная истина, истина о страдании в христианском понимании этого феномена. Делается вывод о том, что в раннем буддизме страдание приобретает практически онтологический статус благодаря личному религиозно-психологическому опыту основателя этого учения. В христианстве страдание в категории зла рассматривается в трех аспектах: догматическом, сотериологическом и эсхатологическом и понимается как нарушение данной Богом свободы нравственного самоопределения. В качестве предмета исследования автор рассматривает два литературных памятника из Священного канона буддизма и христианства, а именно Дхаммападу и Екклесиаст. Выдвигается тезис о том, что оба памятника объединяет общая тема страдания и суетности человеческой жизни. Рассмотрены авторство и главные идеи этих книг. Выясняются общие моменты в рассуждениях авторов о зле, невежестве и страдании. Приводится понимание в обеих религиозных традициях того, что есть счастье. Автор рассуждает о том, что обе книги поднимают вечные вопросы, волнующие каждое поколение человечества и нередко дающие схожие ответы при отсутствии генетической связи, взаимного влияния и заимствований, поскольку эти памятники были созданы в двух совершенно разных цивилизационных центрах Средиземноморья и Индокитая.

Ключевые слова: буддизм, Дхаммапада, Екклесиаст, зло, книга Премудрости, Коге-лет, мудрость, невежество, страдание, суета сует, счастье, христианство, томление духа.

A. V. Stepanov

**THE PHENOMENON OF “SUFFERING” IN BUDDHISM
AND CHRISTIANITY: DHAMMAPADA AND ECCLESIAST,
COMPARATIVE ANALYSIS**

The article examines the doctrinal position of Buddhism, the first noble truth – the truth about suffering, in the Christian understanding of this phenomenon. It is concluded that in early Buddhism, suffering acquires an almost ontological status due to the personal religious and psychological experience of the founder of this doctrine. In Christianity, suffering in the category of evil is considered in three aspects: dogmatic, soteriological and eschatological, and is understood as a violation of the freedom of moral self-determination given by God. As a subject of research, the author considers two literary monuments from the sacred Canon of Buddhism and

Степанов Андрей Васильевич – протоиерей, старший преподаватель кафедры религиоведения и теологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск, Россия). E-mail: stepanovandrey14@mail.ru.

Christianity, namely the Dhammapada and the Book of Ecclesiastes. The thesis is put forward that both monuments share a common theme, the theme of suffering and the vanity of human life. The authorship and main ideas of these books are considered. Common points in the authors' arguments about evil, ignorance and suffering are clarified. The understanding of what happiness is in both religious traditions is given. The author argues that both books raise eternal questions that concern every generation of mankind and often give similar answers, in the absence of genetic connection, mutual influence and borrowing, since these monuments were created in two completely different civilizational centers of the Mediterranean and Indochina.

Keywords: Buddhism, Dhammapada, Ecclesiastes, evil, the Book of Wisdom, Kohelet, wisdom, ignorance, suffering, vanity of vanities, happiness, Christianity, vexation of spirit.

Судим: богатство ли делает иль добродетель счастливым;
Выгоды или достоинства к дружбе вернее приводят;
В чем существо добра и в чем высочайшее благо?
Гораций, Сатиры [Дилите 2003: 78]

Середина 1 тысячелетия до н.э. получила в научных кругах название ясперсовского «осевого времени», когда в разных цивилизационных центрах особенно остро стал подниматься некий круг «вечных вопросов», который вынесен в заголовки нашего исследования. Этими вопросами задается римский поэт Гораций в своих «Сатирах»; в Афинах эти вопросы поднимает Сократ; Конфуций в далеком Китае не остается в стороне от этих проблем; даже в Священном ветхозаветном каноне встречается осмысление этих вопросов в перспективе Откровения; юный принц Сиддхартха Гаутама в Непале размышляет о смысле жизни. Все они ищут ответы на вопросы, что такое счастье, что является высочайшим благом и откуда в мире зло и страдание, почему столь суетна человеческая жизнь. Каждый из них находит свой ответ. Они легли в основу религиозного и философского наследия человеческого рода. Но, несмотря на это, каждое новое поколение задается этими вечными вопросами, как вечна сама тема человека и смерти, добра и зла, блаженства и страдания. Тема страдания актуальна во все времена не только для философов-экзистенциалистов, не только для мыслителей и поэтов, эта тема актуальна для каждого человека, представляя собой некую непостижимую тайну. Почти каждый человек, подобно преподобному Антонию Великому, нередко задается вопросом: «Господи! Отчего некоторые из людей достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте? Отчего одни бедны – другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют всеми благами, а праведные угнетаются напастями и нищетой?» После долгих размышлений он услышал голос Божий: «Антоний, внимай себе и не подвергай исследованию судеб Божиих, потому что это – душевредно» [Архимандрит Алипий 1994: 256].

Такой ответ понятен человеку, воспитанному в традициях европейской культуры, основанной, в свою очередь, на богатейшей иудео-христианской традиции. В средиземноморской цивилизации религия имплицитно отождествляется именно с этой традицией и не представляется без веры в Бога. Но совсем другая ситуация в регионе Индокитая, религиозные учения которого являются нетеистиче-

скими. Еще А. Шопенгауэр обратил внимание на отсутствие в китайском языке слова «бог», и именно с этой проблемой столкнулись христианские миссионеры при переводе Священного Писания. Надо сказать, что проблема перевода до сих пор является одной из важнейших в так называемой азиатской теологии. Буддизм и джайнизм и вовсе веру в существование единого Бога Творца и Промыслителя считают серьезным заблуждением [Торчинов 2019]. На этом фоне вопросы экзистенциального характера как объект нашего исследования получают особую остроту, ведь нет возможности апеллировать к некоему Абсолюту, Высшему Существо, к моральному Законодателю.

Итак, объектом нашего исследования является феномен страдания в буддизме и христианстве, вернее сказать – в раннем буддизме и христианстве. То, что скорбь или страдание – важнейший фактор жизни на Земле, признается не только буддизмом, но и христианством. Если в христианстве тема страдания является неким рефреном к теме евангельского благовестия, то в раннем буддизме страдание приобретает практически онтологический статус. Первая благородная истина, провозглашенная Буддой, звучит следующим образом: «рождение – это страдание; старение – это страдание; смерть – страдание; печаль, плач, боль, скорбь, отчаяние – это страдание; неполучение желаемого – это страдание; одним словом, «пять групп привязанности» – это страдание» [Слово Будды 2002: 20]. Все есть страдание (дукха). По мнению отечественного буддолога Е. Торчинова, санскритский термин «дукха» оптимальнее перевести русским словом «страдание», как наиболее экзистенциально сильное и выразительное [2018]. Нам представляется в свете исследования понимать страдание в несколько иной, а именно в библейской, плоскости. Употребляемое в Книге Екклесиаста слово «томление духа», на наш взгляд, более полно раскрывает термин «страдание». Выше было сказано о том, что всеобщий характер скорби и страдания не есть наследие только буддизма. Как вполне справедливо рассуждает С. Радхакришнан, «ранний буддизм не представляет собой совершенно оригинального учения. Это не какой-либо каприз в эволюции индийской мысли. Будда вовсе не отрывался полностью от духовных идей своего века и своей страны. Мы решаемся высказать предположение, что ранний буддизм – это всего лишь новое повторение мыслей упанишад с новой точки зрения». Далее он цитирует Рису Дзвидса: «Гаутама родился, был воспитан, жил и умер индусом ... оригинальность Гаутамы заключалась в том, как именно он усвоил, расширил, облагородил и систематизировал то, что уже хорошо было сказано другими». Сам Будда признает, что дхарма, которую он открыл усилием самовоспитания, – это древний путь, благородный путь, вечная дхарма» [Радхакришнан 2008: 230–231]. Это утверждение С. Радхакришнана удивительным образом перекликается с Книгой Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это уже было в веках, бывших прежде нас» [Библия 2016: 804]. Здесь проповедник высказывает мысль о том, что если иногда и думают, что произошло нечто новое,

сделан новый шаг вперед, то на самом деле и здесь мы имеем дело с повторением старого. Да, важность факта страдания присуща не только буддизму, но Будда уж слишком делал на нем упор. «Во всей истории мышления никто не описывал бедственности человеческого существования более черными красками и с большим чувством, чем это делал Будда», – продолжает далее С. Радхакришнан. В буддизме есть тенденция делать темное черным и серое темным. Его поле зрения принципиально ограничено всем, что в жизни сурово, горько и мучительно [Радхакришнан 2008]. Откуда же этот пессимизм и отчаяние, когда даже в Дхаммападе говорится: «Ни в небе, ни в глубинах океана, ни в горных пещерах – нигде в мире не найти такого места, где человек мог бы жить, не будучи побежден смертью» [Там же: 232]. Ответ кроется в личном религиозном опыте принца Сиддхартхи, который сознательно был огражден от лицезрения жизненных невзгод и раздумий о смысле жизни. Но памятная охота и четыре встречи навсегда перевернули его представления о мире и потрясли его до глубины души. Он впервые увидел, в возрасте 29 лет, что мир преисполнен страданий и что одни живые существа могут жить только ценой смерти других; что все люди и он сам смертны и ни богатство, ни знатность от смерти защитить не могут; что болезни подстерегают любого смертного; что богатство и знатность мимолетны. Он приходит к мысли, что страдание абсолютно, а удовольствие весьма и весьма относительно. Более того, страдание и есть фундаментальная характеристика бытия как такового, оно неизменно сопровождает все проявления бытия, да и само бытие есть безначальное и бесконечное страдание. Страдание в этом смысле приобретает практически онтологический статус [Торчинов 2018]. Описанную выше сцену довольно оригинально комментировал Ницше: «Они встречают инвалида, или старика, или мертвое тело и сразу говорят: жизнь опровергнута» [Радхакришнан 2008: 233].

Но у страдания есть причина, утверждает Будда, и эта причина не грехопадение и потеря изначального рая, как в христианстве, а влечение, желание, привязанность к жизни в самом широком смысле, воля к жизни. «Влечение порождает страдание, – если бы не было влечений и жажды жизни, то не было бы и страданий. А этой жадой пронизана вся природа» [Торчинов 2018: 30]. В Дигха-Никае говорится следующее: «К существам, подверженным рождению, приходит желание: «О, пусть мы не будем подвержены рождению! О, пусть нас не ждет новое рождение!» к ним, подверженным старению, болезни, смерти, печали, плачу, боли и скорби отчаянию, приходит желание: «О, пусть мы не будем подвержены этим вещам! О, пусть нас не ожидают эти вещи! Но этого не достичь одним лишь желанием; а не получение желаемого есть страдание» [Слово Будды 2002: 20]. Подобные рассуждения мы встречаем и в Ламрим-Ченмо: «Памытуя о смерти и обдумывая возможность впадения после смерти в дурную участь, мы отвращаемся душой от этого мира, загораясь о счастливом перерождении, практикуем общее обращение к Прибежищу и, уяснив хорошие и плохие деяния с их плодами, стараемся избегать зла и творить добро. Так обретаем счастливую участь.

Обретая порою счастливый удел,
Каждый раз наслаждаешься счастьем.
Но потом, после смерти, ввергаешься вновь,
В те рожденья, где боль и мученья» [Чже Цонкапа 2013: 338–339].

В завершение параграфа о понимании страдания в буддизме вновь обратимся к рассуждениям С. Радхакришнана: «Жить на земле – мучительно, а после земной жизни нет никаких блаженств». Так утверждают некоторые направления буддизма и их справедливо называют пессимистическими. Но поскольку мы ведем речь о раннем учении Будды, то здесь оно признает, что «жизнь – бесконечная смена мучений, но оно верит в освобождающую силу нравственного воспитания и в способность человеческой природы к усовершенствованию ... мир со всеми его страданиями кажется приспособленным для роста блага. Будда не проповедует простую бессмысленность жизни и не требует примирения с неминуемой гибелью. Его учение – это не учение отчаяния. Он требует от нас, чтобы мы восстали против зла и достигли в жизни более высокого состояния, состояния архатства» [Радхакришнан 2008: 233].

Рассмотрев, таким образом, понимание феномена страдания в буддизме, перейдем к его пониманию в христианской традиции. Выше уже была высказана мысль о том, что христианство, как и буддизм, вполне признает тот факт, что скорбь и страдание являются вечными спутниками цивилизации, а смерть – естественный удел всех людей. Но, в отличие от буддизма, страдание хоть и присутствует в мире, оно не безначально и не бесконечно, но имеет свое начало и свое завершение и тем более не является фундаментальным свойством бытия. Страдание, как зло и смерть, рассматривается в христианстве, а в нашем случае речь идет о восточноправославной традиции, в нескольких аспектах, а именно догматическом, сотериологическом и эсхатологическом.

Догматический аспект предполагает следующее: Бог не является творцом зла, а весь сотворенный им мир был весьма хорош. Это означает, что зло не существует как самостоятельная природа, оно не имеет характер абсолютного закона, но есть определенное состояние разумной природы, точнее, извращенное состояние воли разумных существ. Притом зло – это не только «недостаточность» природы, в нем есть и некая активность, одержимость воли. Зло – это состояние, в котором пребывает природа личных существ, отвернувшихся от Бога [Архимандрит Алипий 1994]. Страдание и смерть делаются уделом человека после грехопадения первых людей: «Бог создал человека в неистление, и во образ подобия Своего сотвори его; завистию же диаволею смерть вниде в мир» [Там же: 233]. Согласно Библии, после падения первых людей Бог из сострадания к ним одел их в «кожаные ризы». Отцы Церкви под «кожаными ризами» единодушно понимают смертность, которую после падения человек воспринял как свою вторую природу. Можно сказать, что Адам, избрав в качестве пищи плод запретного дерева, предал всю нашу природу в пищу смерти. И смерть живет постоянно, делая нас своей пищей, вследствие этого мы никогда по-настоящему

не живем, а постоянно пожираемся смертью через тление. Преподобный Максим Исповедник обращает внимание на следующий аспект: биологическое, скотоподобное существование человека сопряжено для него со страданием. Голод, жажда, усталость, действия стихий, болезни – все эти так называемые «естественные страсти» стали составлять как бы новый природный закон для человека. И этот закон установлен Божественной справедливостью и действует в полном согласии с ней: страдание является расплатой за удовольствие, доставляемое грехом. Чем больше ищет человек удовольствия, тем сильнее испытывает страдание. Страдание нередко сокрыто под приманкой удовольствия и человек, думая избежать страдания и получить удовольствие, лишь еще больше увеличивает свои страдания [Архимандрит Алипий 1994: 233]. Этот момент для нас очень важен, ведь несмотря на то, что буддизм считает страдание безначальным свойством самого бытия, но механизм его действия понимается практически как в христианстве. Человек, влекомый жаждой получить мнимое благо, скоропреходящее счастье, сам себя ввергает в пучину страдания и скорби. Приятен грех и обещает благо, но вкусив этот плод, открывается его истинная суть – «скорбь и теснота», – по слову ап. Павла, – «всякой душе человека, делающего злое» [Библия 2016: 1596]. Именно в грехе, который и есть зло, видит христианство причину страданий. Жизнь сама по себе есть бесценный дар Божий и есть несомненное благо и в Боге, как в источнике жизни, имеет свое начало.

Сотериологический аспект заключается в том, что Бог, позволяя существовать смерти, обращает ее против тления, приводящего к смерти, и полагает тем самым предел как для тления, так и для греха. По слову того же Максима Исповедника, «Бог действует по любви даже по отношению к тем, кто стал злым, совершая дело нашего исправления» [Архимандрит Алипий 1994: 245]. Сам Бог облакает человека в одежды, подверженные разложению, из этого конечно же следует, что Бог создает смерть и тление. Он единственный, кто может обращать зло в добро и Он всегда действует по любви. Облечение в биологическую жизнь имело большое педагогическое значение. Человек согрешил по беспечности, не ценя своего богоподобного достоинства, и теперь «кожаные ризы» немощной, подверженной страданиям плоти должны были воспитать в нем смирение. «Ты будешь переносить тяжкий труд и заботу, – говорит Златоуст от лица Бога, – и в печали проводить всю жизнь, чтобы было это для тебя уздою, чтобы ты не мечтал о себе выше своего достоинства, но постоянно помнил бы о своей природе и впредь никогда не допустил себя до подобного обольщения» [Там же].

Эсхатологический аспект страдания предполагает элемент воздаяния как онтологического принципа. И заключается он в том, что каждый человек заслуживает воздаяние за совершенное в жизни добро или зло. Самым существенным моментом воздаяния являются свидетельства Священного Писания, содержащие указания на вечную жизнь праведников и осуждение на «муку вечную» грешников [Там же]. Исповедание догмата о Втором Пришествии Христовом и грядущего Страшного Суда, который определит вечную участь праведников и греш-

ников, указывает на то, что мучение грешников не имеет лишь «педагогическое» значение. В чем будет заключаться это вечное мучение? Это несомненно состояние удаления от Бога. Причиной этих страданий являются угрызения совести и неудовлетворимая страсть. Скорбь и теснота страдальцев усиливается еще и сознанием невозможности выйти из состояния мучения [Архимандрит Алипий 1994: 245]. Тема воздаяния близка и буддизму, так, в Дхаммападе говорится: «Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел» [Ольденбург 2017: 163].

Мы завершили рассмотрение объекта нашего исследования и перейдем непосредственно к предмету наших рассуждений. Мы рассмотрим два интереснейших литературных памятника Священного канона буддизма и христианства, а именно Дхаммападу и Книгу Екклесиаста. Сравнительный анализ содержания и основных идей этих книг представляется нам вполне корректным, поскольку обе они затрагивают тему страдания, смерти, мудрости и счастья. И что весьма примечательно, как будет показано в нашем исследовании, некоторые утверждения их авторов поразительно похожи. Отсутствие какой-либо генетической связи, заимствований и взаимного влияния эти параллели делает еще более интересными. Ответ очевидно прост – обе книги посвящены теме суетности человеческой жизни и неминуемости смерти. Остается только удивляться тому, как авторы порой совершенно одинаково смотрят на эти вечные темы. Думается, что такое единодушие можно объяснить только тем, что, несмотря на разность религиозных традиций, они одинаково понимают природу человека подверженной тлению и смерти.

Дхаммапада – знаменитый буддийский сборник изречений, составленный на пали. Он входит в качестве составной, но вполне самостоятельной части в буддийский Канон и помещается обычно в пятой части *Сутта-питаки*, называемой *Кхuddака-никаей*. Особое положение *Дхаммапады* и ее исключительная популярность, помимо ряда других данных, подтверждается многочисленностью рецензий и вариантов этого памятника.

Наиболее известной и авторитетной рецензией является палийская, состоящая из 423 стихотворных сутр, разделенных на 26 глав. Традиционно авторство этой книги приписывается самому Будде, поскольку она состоит из изречений, сказанных им по поводу того или другого случая. В Дхаммападе весьма полно и широко изложены основные принципы морально-этической доктрины раннего буддизма, и в силу данного обстоятельства она пользовалась и пользуется до сих пор у последователей буддизма авторитетом. Можно смело утверждать, что это произведение является компендиумом буддийской мудрости, своего рода учебником жизни, Книгой премудрости [Дхаммапада 1960; Дхаммапада: эл. ресурс]. Каждая сутра Дхаммапады – это маленькое рассуждение на заданную тему, маленькая притча, и в этом она перекликается с Екклесиастом, автор которого так же часто прибегает к притчевому жанру.

В Дхаммападе затронуто множество вопросов, волновавших современников Будды, но в свете нашего исследования мы рассмотрим две главы, а именно главу о старости и главу о счастье. Глава о старости, по мнению исследователей, принадлежит к числу самых замечательных в буддийской литературе. В этой главе, как и в Екклесиасте, мы видим глубоко впечатляющие изображения старости, разрушения и бренности всего живущего [Дхаммапада 1960; Дхаммапада: эл. ресурс]. Но в качестве вступления хотелось бы привести сутру из главы о зле: «Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущего не победила смерть» [Ольденбург 2017: 164]. Мы уже приводили эту сутру в интерпретации С. Радхакришнана, который не без основания говорит, что именно Будда сделал акцент на абсолютном характере страдания и скорби, как бы намеренно сгустил и без того темные краски, превратив само бытие в страдание. «Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света? Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, которых нет ни определенности, ни постоянства. Изношено это тело ... ибо жизнь имеет концом смерть». И далее: «Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, гибнут, как старые цапли на пруду, в котором нет рыб. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, лежат, как сломанные луки, вздыхая о прошлом» [Там же: 169–170]. В то же время здесь приводятся слова Будды, направленные против тех, кто легкомысленно и беспечно относится к жизни: «Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные только суетятся на здешнем берегу. Те же люди, которые действительно следуют дхамме, когда дхамма хорошо возвещена, достигнут противоположного берега, минуя царство смерти, хотя его и трудно избежать [Там же: 155].

На фоне безрадостных, полных безнадежности и отчаяния строф главы о старости привлекают наше внимание удивительно оптимистичные мысли в главе о счастье. Надо подчеркнуть, что многие исследователи склонны не замечать этого, предпочитая видеть в буддизме исключительно пессимизм: «идеал буддизма – совершенное уничтожение мира, и особенно уничтожение личного бытия, самоуничтожение ... буддист считает всю жизнь личности состоящей из событий, не имеющих подлинной ценности и ведущих к страданию» [Лосский 2017: 170]. Но, тем не менее, эта глава содержит положительные идеалы, вдохновлявшие учеников Будды в ранний период развития этого учения: «О! Мы живем очень счастливо, не враждующие среди враждебных; среди враждебных людей живем мы, не враждующие. О! Мы живем очень счастливо, не больные среди больных; среди больных людей живем мы, не больные. О! Мы живем очень счастливо, не томящиеся среди томящихся; среди томящихся живем мы, не томящиеся. О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги. Здоровье – величайшая победа; удовлетворение – величайшее богатство; доверие – лучший из родственников; нирвана –

величайшее благо» [Ольденбург 2017: 178]. Итак, хотя и исполнен мир страдания, и нет места, где бы человека не настигла смерть, все же есть абсолютное счастье, высочайшее благо – нирвана и есть путь, ведущий к нему: «Лучший из путей – восьмеричный; лучшая из истин – четыре слова; лучшая из дхамм – уничтожение страстей; лучший из двуногих – тот, кто прозорлив» [Там же: 193].

Как уже было сказано, многие исследователи, в том числе и отечественные буддологи, стоявшие на позициях обличительного богословия, рассматривают буддизм как традиционно и исключительно пессимистическое учение, это особенно характерно в плане позднейших аналогий, и Дхаммапада в этом отношении интересна тем, что показывает настроение раннебуддийских текстов, на те положительные идеалы, которые вдохновляли и одушевляли последователей Будды в ранний период развития буддизма [Дхаммапада 1960]. В этом кроется назидательная цель этой книги – дать утешение современникам, оградить от отчаяния и указать путь и средство к существованию.

В церковной традиции авторство Книги Екклесиаста приписывается царю Соломону. Основанием для этого служит прежде всего наименование Екклесиаста сыном Давида и царем в Иерусалиме [Православная энциклопедия 2008]. Соломон во все времена еврейской истории считался величайшим мудрецом и, как творец многих назидательных притч, учителем народа. Соответственно этой черте Соломону дано еврейское имя Когелет – созывающий собрание, говорящий в собрании, церковный оратор, проповедник. Цель написания книги довольно проста, автор ставит задачу утешить впадавших в уныние современников, с одной стороны, выяснив суетность и тленность всего земного, с другой стороны, указав средство и при существовавших тяжелых условиях создать более или менее сносное существование [Библия 2016]. Книга написана в так называемом жанре премудрости, и нередко каждый стих представляет собой маленькую притчу. В этом, так сказать, дидактическом смысле Дхаммапада и Книга Екклесиаста вполне совпадают – дать страждущим надежду и утешение.

В современной библеистике исследователь Т. Крюгер выделяет две позиции по отношению к Книге Екклесиаста. Одна часть толкователей, по его мнению, относится к книге негативно, как к темному фону, перед которым Евангелие стоит во всем своем сиянии. Такой подход вполне объясним, ведь повторяющаяся более 30 раз фраза «томление духа и все суета» вызывает самые пессимистические настроения, и в этом смысле Книгу Екклесиаста можно назвать самой небиблейской по своему содержанию. Другая часть толкователей придерживается противоположного мнения, полагая, что она отвечает на вопросы и сомнения современных людей. Далее Крюгер отмечает, что Екклесиаст гораздо ближе к другим писаниям Ветхого и Нового Заветов, чем может показаться на первый взгляд, и представляет собой пример интеллектуально честного рассмотрения сложных вопросов религиозной жизни человека [Православная энциклопедия 2008].

Все содержание книги Екклесиаста служит как бы ответом на вопрос: в чем счастье на Земле, возможно ли для человека полное, совершенное счастье. На

этот вопрос Екклесиаст дает отрицательный ответ: «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, все – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» [Православная энциклопедия 2008: 805]. Суета сует, все суета – вот вывод, к которому приходит Когелет после долгих и тяжелых раздумий, и который он одинаково решительно высказывает как вначале, так и в конце книги: «Суета сует, сказал Екклесиаст, все суета!» [Там же: 813]. Почему же в мире все бесполезно и суетно, почему недостижимо абсолютное счастье? Причина в том, что все в мире подчинено неизменным и в то же время однообразным законам, и вследствие этого находится в постоянном круговращении, не дающем ничего нового, ничего такого, что могло хотя бы в будущем обеспечить достижение абсолютного счастья: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» [Там же: 804].

Движение не вперед, а вокруг, беспрогрессивное круговращение наблюдается не только во внешней природе, но и в жизни человеческой, где психические явления чередуются с той же последовательностью, как явления природы, столь же мало зависят от воли человека, где также есть всему свое время: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать, время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать: время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» [Там же: 806].

Эта неотвратимость естественного хода вещей, бессилие человеческой воли изменить его направление, подчинить себе делают счастье, доступное человеку, непрочным, непостоянным, случайным, скоропреходящим. Ни знание, ни даже мудрость не приносят счастья, но даже, наоборот, они приносят людям мучение, обнажая и в мире, и в человеке безобразие и ничтожество, прикрывающиеся видимой красотой и целесообразностью, рождая в человеке тяжелое сознание ограниченности его ума и непостижимости всего существующего: «Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это томление духа; потому, что во mnogой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь» [Там же: 805] (в некоторых русских переводах приводится иная редакция – кто приумножает ведение, тот приумножает страдания. – А. С.). Если же мы обратимся к буддийским текстам,

то увидим, что главным средством достижения просветления служит именно знание, которое, по слову Екклесиаста, только умножает страдания: «В море рождений и смерти знание – вот спасительная ладья! Знание – вот светильник, озаряющий мрачный, темный мир! Знание – вот благоприятное врачевание от всех недугов жизни! Знание – вот секира, способная снести прочь все непроницаемые заросли страдания! Знание – вот мост, перекинутый через стремительный поток неведения и похоти» [Лосский 2017: 172].

Над всеми человеческими скорбями и превратностями, по мнению Екклесиаста, царит величайшее зло – смерть, которая одинаково поражает и мудрых и глупых: «потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! Мудрый умирает наравне с глупым» [Библия 2016: 805], и праведных и нечестивых, уничтожая, таким образом, всякое различие между людьми и делая их счастье призрачным. Где царствует смерть, там не может быть счастья. И должен ли человек прийти к мрачному унынию, к сознательному отвращению к жизни, столь безжалостно разбивающей все мечты о счастье? Вечное, абсолютное счастье невозможно – все суета и томление духа. Откуда же этот пессимизм, почти граничащий с буддийским «все есть страдание»? Ответ, очевидно, таков – Екклесиаст ищет совершенного счастья, высочайшего блага, под солнцем, в лежащем во зле мире, в пределах земного бытия, где его не могло быть. Со своим учением о шеоле, с неопределенными представлениями о суде Божьем, с его полным незнанием воскресения мертвых Екклесиаст и не мог прийти к другому выводу [Там же].

Несмотря на весь этот пессимизм, Екклесиаст выражает надежду, что счастье, благо, пусть и не высочайшее, все же возможно, есть средство к его достижению, и это средство заключается в том, чтобы жить, трудиться, наслаждаться всякими доступными радостями, ежеминутно ощущая свою зависимость от Божественного провидения и в нем почерпая для себя источник нравственного мужества и душевного спокойствия.

Человек зависит не от слепого рока, – утверждает Екклесиаст, – а от Божественного провидения, все от руки Божьей и без него человек не может даже есть и пить. Хотя пути Божии непостижимы, они не могут быть несправедливы, ведь Бог воздаст каждому по заслугам, наградит боящихся Его и накажет нечестивых. Убедившись в том, что судьба человека в руках Божиих, он оставляет все беспокойные заботы и боязливые ожидания будущего, всякое раздражение, огорчение и досаду, которые ни к чему не приводят, портят настоящее, отравляют всякие радости, и наиболее верное средство к обеспечению будущего видит в приобретении милости Божией сердечной молитвой, благоговейным исполнением обрядов, соблюдением заповедей и обетов: «Наблюдай за ногою своею, когда идешь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению ... лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить» [Там же: 808]. Спокойный за будущее, он безмятежно наслаждается теми радостями, какие ему посылает Бог: «Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размыш-

ляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него» [Библия 2016: 809]. В отношении к людям он проникается чувством незлобия, снисходительности, доброжелательства. Он ищет нравственного единения с людьми, зная, что двоим лучше, чем одному: «Двои лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего» [Там же: 807]. Екклесиаст заканчивает свою книгу призывом к жизни для Бога: «И помни создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!» доколе не померкли солнце и свети луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем» [Там же: 813]. Но все же эта надежда, этот оптимизм, призванный утешить современников, не лишен печали: «И возвратится прах в землю, чем и был; а дух возвратится к Богу, который дал его. Суета сует, сказал Екклесиаст, все – суета!» [Там же: 813].

Отечественный буддолог В. А. Кожевников свой вышедший в 1916 г. двухтомный труд «Буддизм в сравнении с христианством» завершает следующим образом: «Ни до буддизма, ни после него никто не отважился на столь решительный шаг в сторону полной безнадёжности. Один буддизм осмелился сделать этот шаг, и в этом – трагическое величие и воспитательная ценность его подвига, не превзойденного в своем роде в истории. Не в этом ли, гадаем мы, и его провиденциальная миссия в ходе развития религиозного опыта человечества» [Лосский 2017: 185]. Именно этими словами нам бы хотелось в качестве заключения завершить наше исследование.

Литература

Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит Исайя (Белов). Догматическое богословие. Курс лекций. – Сергиев Посад: Изд-во СТСЛ, 1994. – 288 с.

Библия. – Киев: Феникс, 2016. – 845 с.

Дхаммапада / пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова // Памятники литературы народов Востока. Bibliotheca Buddhica XXXI. – М.: Восточная литература, 1960.

Дилите Д. Квинт Гораций Флакк. Античная литература / пер. с лит. Н. К. Малинауспене. – ГЛК, 2003. – 487 с.

Лосский Н. О. Философия и публицистика. Избранные статьи / Н. Лосский; сост., авт. вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишин. – М.: Викмо-М; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. – 312 с.

Ольденбург С. Ф. Будда. Жизнь, деяния и мысли великого учителя / С. Ольденбург. – М.: Центрполиграф, 2017. – 224 с.: ил.

Православная энциклопедия / под ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 18: Египет Древний – Ефес. – М.: Православная энциклопедия, 2008. – 752 с.: ил.

Радхакришнан С. Индийская философия. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. – 1007 с. (Концепции).

Слово Будды. Обзор Учения Будды словами Палийского канона. – СПб.: Нартанг, 2002. – 108 с.

Степанов А. В. Нравственный императив в буддизме и христианстве: компаративный анализ / А. Степанов // Форум межнационального единства: Иркутская область – территория мира и согласия: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 27 февраля 2018). – Иркутск: Оттиск, 2018. – 112 с.

Торчинов Е. Введение в буддизм / Е. Торчинов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 352 с. (Азбука-классика. Non-Fiction).

Торчинов Е. Путь запредельного. Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. Торчинов. – СПб.: Пальмира; Книга по требованию, 2019. – 542 с.

Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. В 2 т. Т. 1. 4-е изд., испр. / Чже Цонкапа; пер. с тиб. – СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2013. – 896 с.

Дхаммапада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// dhamma.ru/canon/kn/dhp/dhammapada.htm](https://dhamma.ru/canon/kn/dhp/dhammapada.htm) (дата обращения: 24.06.2020).